

© 1999 г. Р.З. МУРЯСОВ

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ В ГРАММАТИКЕ И СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Классификации частей речи, выявление и описание их грамматических признаков (категорий) представляют собой важнейший результат деятельности многих поколений лингвистов в области систематики и таксономии языковых единиц. Несмотря на то, что современная лингвистическая наука не располагает однозначным решением вопроса о строгих, т.е. логически последовательных, а в идеале единых, непротиворечивых критериях выделения частей речи, в рамках и.-е. языков выкристаллизовалась более или менее устойчивая система, в которой достаточно рельефно выступают два крупных класса – существительные и глаголы, образующие по своим когнитивным, т.е. предметно-логическим основаниям, и совокупности формально-грамматических признаков полярные полюсы. Подобного рода их противопоставленность, однако, не означает, что они, ввиду локализованности в континууме между ними других частей речи, не пересекаются между собой, т.е. не имеют общих зон. Отдавая дань получившей в последние десятилетия развитие вербоцентрической теории в лингвистике, в частности в синтаксисе, следует указать на особое положение имени существительного в иерархии частей речи не только в плане организации вокабуляра языка (в германистике, например, отмечается, что существительные в современном немецком языке составляют около 60% лексики), но и в плане его внутридискурсивных потенций, в особенности способности номинализации к когнитивному переосмыслению действия или события, обозначенного глаголом, названному Р. Лангакером реификацией [Longacker 1991: 78]. Если ядром пропозиции является предикат и пропозиционная функция может быть определена "как предикат и некоторая характеристика переменных" [Степанов 1998 : 290], то при обеспечении прогрессии текста ведущая роль принадлежит номинализациям, позволяющим представлять многослойно эшелонированные пропозиции в компрессированном виде. Как известно, ядро такого рода номинализаций составляют субстантиваты. Особая и в какой-то мере уникальная специфика имени существительного в концептуализации мира, например, в лексике немецкого языка, заключается в том, что единица любого уровня и теоретически любого размера – от буквы до сложных предложений – может стать субстантиватом не только в плане выполнения синтаксических функций существительных, но и морфологически – любой субстантиват сопровождается артиклем, который *ipso facto* служит его морфологическим маркером. Но нет обратного явления, т.е. такого, чтобы любое слово могло вербализироваться, адъективизироваться или адвербиализироваться. Таким образом, имя существительное выходит далеко за пределы субстанциональности в строгом смысле этого термина, т.е. вещности, составляющей ядро предметности и являющейся, как отмечает Ю.С. Степанов, "самой семантической из категорий языка", так как "только к отношениям между сущностями (вещами) и словами может хорошо подходить определение семантики как отношений между знаками и объектами внешнего мира" [Степанов 1998 : 290].

В орбиту субстанциональности оказываются вовлеченными также несубстанциональные имена, названные Дж. Лайонзом характеризующими универсалиями [Лайонз 1978 : 357], например, опредмеченные предикаты, а предикаты по определению Ю.С. Степанова, – это "самая несемантическая из категорий" [Степанов 1998 : 420],

так как "отношения между предикатами как особыми мыслительными единицами, их внеязыковыми объективными коррелятами во внешнем мире и их языковыми выражениями – отношения принципиально иного порядка, они вовлекают в свою сферу не только и даже не столько семантику, сколько синтаксис" [Степанов 1998 : 290]. Таким образом, семантическое пространство предметности оказывается наиболее сложной и противоречивой категорией, конституируемой гетерогенными в логико-смысловом, а вследствие этого и в формально-грамматическом отношении, группировками слов.

Анализ классов слов, выявляемых на основе тех или иных обобщенных признаков внутри таких наиболее крупных таксонов, как части речи, приводит к выделению группировок с разными качественными и количественными характеристиками [ЛЭС 1990]. С одной стороны, в рамках каждой знаменательной части речи обнаруживаются категории, находящие свое выражение в структуре языка в специальной системе, совокупности форм, т.е. формальных средств, образующих закрытый класс. Подобного рода средства образуют жесткие модели, основной разновидностью которых являются грамматические, т.е. словоизменительные парадигмы. С другой стороны, в пределах частей речи выделяются группировки слов, базирующиеся на таких семантических признаках, которые по своей степени обобщенности сопоставимы с семантическими признаками уровня частей речи и их грамматических категорий и играющих важную роль в конституировании когнитивных оснований частей речи (см. об этом более подробно специальное исследование Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1997]), но не находящие своего выражения в специальных морфологических средствах и, следовательно, не могущих претендовать на статус грамматических категорий. Если части речи и их грамматические признаки (категории) с некоторыми оговорками можно отнести в разряд качественных таксономий [ЛЭС 1990 : 504], то группировки слов последнего типа представляют собой внутренне противоречивые разряды слов, не объективируемые, в отличие от грамматических категорий, в специализированных, или регулярных формальных средствах, входящих друг с другом в оппозитивные отношения, а находящие в грамматической системе языка лишь косвенное выражение и которые проглядываются через призму собственно грамматических категорий. Рассмотрение грамматических особенностей отдельных типов обобщенных семантических классов, получающих в лингвистической литературе самые разнообразные названия: лексико-грамматические разряды, лексико-грамматические категории, структурно-семантические разряды, подкатегории части речи, семантико-грамматические классы, семантические и синтаксические субклассы, "скрытые" грамматические категории и т.д., оказывается теснейшим образом связанным с неодинаковым статусом грамматических категорий в грамматическом строе конкретного языка, что в конечном счете выливается в разного рода классификации грамматических категорий, отличающихся между собой разной степенью своей грамматикализации в плане удовлетворения основному требованию признания той или иной категории грамматической, а именно наличия ее парадигматического ядра. С этой точки зрения можно указать на два принципиально отличных типа грамматических категорий: 1) категории, базирующиеся на парадигмах, способных образовывать в н у т р и л е к с е м н ы е г р а м м а т и ч е с к и е о п п о з и ц и и, если, конечно, под лексемой понимать "слово, рассматриваемое как единица словарного состава языка в совокупности его конкретных грамматических форм и выражающих их флексий..." [ЛЭС : 257]; 2) категории, базирующиеся не на противопоставлении разных форм одного и того же слова, а на противопоставлении целых классов слов, например, категория рода существительных в и.-е. языках. Сам факт возможности выделения категорий разной степени грамматикализации свидетельствует о полевой структуре грамматического строя языка. Полевая структура пронизывает всю систему языка и присуща ей онтологически, ибо она в своей сущности асимметрична. Основопологающими признаками полевого строения являются наличие ядра той или иной категории, конституируемого классом, обладающим полным набором признаков, свойственных данному грамматическому явлению, и периферии, или периферийных зон, характеризующихся отсутствием, или неполнотой того или

инного признака или признаков. Говоря о полевой структуре грамматического строя, мы имеем ввиду две разновидности ее проявления: 1) разную степень грамматикализации категорий, обусловленную неодинаковым характером их парадигматической репрезентации и 2) разную степень полноты охвата лексического материала той или иной грамматической категорией, т.е. разным лексическим диапазоном функционирования грамматических категорий. С первой точки зрения интерес представляет классификация морфологических категорий у А.В. Бондарко, который выделяет три их типа: последовательно коррелятивные – непоследовательно коррелятивные – некоррелятивные [Бондарко 1976]. Первые два типа как раз и базируются на различиях лексического диапазона их функционирования, а противопоставления коррелятивных категорий некоррелятивным отражает их неодинаковое отношение к грамматической парадигме. Ср. также словоизменяемые и несловоизменяемые морфологические категории [РГ 1980 : 456].

Полевая природа семантического пространства предметности в грамматическом аспекте обусловлена тем, что она конституируется гетерогенными семантическими зонами, изучение которых возвращает исследователя к основополагающей проблеме теории языка – проблеме взаимодействия частей речи. Ведущая роль во взаимопереходе частей речи принадлежит межкатегориальному словопроизводству, играющему одновременно основную роль в субкатегоризации класса имен существительных. В лингвистической онтологии межкатегориального словопроизводства заложено взаимодействие разнородных категориальных семантических признаков. Отлагательные отаггективные существительные образуют тот субкласс, который обладает рядом грамматических особенностей и благодаря которым они противостоят другим семантическим группировкам, прежде всего классу конкретных нарицательных имен, образующих семасиологическое ядро ноэтического пространства предметности в целом.

Таким образом, полевая структура имен существительных как грамматического класса высшего ранга, с одной стороны, обусловлена отсутствием единообразия в технике морфологического оформления тех или иных семантических признаков, с другой стороны, полевой характер языковой организации и функционирования грамматических категорий существительных теснейшим образом связан с субкатегоризацией существительных на группировки слов, объединенных на основе обобщенных семантических признаков, отрицательно или положительно "реагирующих" на семантические признаки уровня грамматической категориальности. В этом случае полевая структура частей речи и их грамматических категорий рассматривается в контексте проблемы взаимодействия лексики и грамматики.

С точки зрения различий парадигматических оснований, т.е. морфологической техники выражения, спорным является статус категории рода в индоевропейских, особенно в германских и романских языках, в которых родовая принадлежность существительных не определяется характером финали основы, т.е. ее фонематическим исходом, как это, например, имеет место в русском языке, ср. русск. *стол, окно и рука*, нем. *die Hand, das Land, der Sand*. Грамматичность категории рода в немецком языке далеко не бесспорна. Но она не может быть признана бесспорной грамматической категорией и в русском языке. Примерно таким же неустойчивым положением в грамматическом строе русского языка характеризуется категория одушевленности-неодушевленности, определяемая то как лексико-грамматическая категория, то как лексико-грамматический разряд наряду с такими лексико-грамматическими разрядами, как абстрактные, конкретные, собственные, нарицательные и т.п. имена, то как грамматическая категория.

Хотя каждая из двух категорий (рода и одушевленности-неодушевленности) имеет свою специфику языковой объективации, они имеют много общего. Степень грамматичности категории рода зависит от того, в рамках какой части речи она рассматривается. Так, в пределах существительных она определяется как "несловоизменяемая, синтагматически выявляемая морфологическая категория, выражающаяся в способности существительного в формах единственного числа относиться избирательно

к родовым формам согласуемой (в сказуемом – координируемой) с ним словоформой" [РГ 1980 : 465], или как "некоррелятивная морфологическая категория" [Бондарко 1976], а в классе прилагательных – как словоизменительная, "выражающаяся в системе противопоставленных друг другу рядов форм" [РГ 1980 : 545], или "последовательно коррелятивная морфологическая категория" [Бондарко 1976 : 77].

Противоречивый статус категории рода характерен также для других индоевропейских языков. Например, во французском языке в классе одушевленных существительных В.Г. Гак определяет ее как категорию словоизменительную, грамматическую (*un/lune élève*), в рамках неодушевленных существительных – как "классифицирующую лексикализованную (определенная форма закреплена за определенным словом)" [Гак 1986 : 84].

Не менее противоречиво положение категории рода в грамматическом строе немецкого языка. В лингвистической литературе распространены парадоксальные дефиниции категории рода, противоречащие пониманию грамматической категории как "грамматического значения, реализованного и формально выраженного в противопоставленных членах" [Шендельс 1970 : 6]. Ср., например, определение рода в Берлинской Академической грамматике немецкого языка: "Mit dem grammatischen Geschlecht kommt einem Substantiv ein unveränderliches klassifizierendes Merkmal" [GDG 1981 : 572]. Даже у одного и того же автора можно встретить взаимоисключающие дефиниции данной категории. Например, О.И. Москальская, с одной стороны, род называет грамматическим родом ("das grammatische Geschlecht"), с другой стороны, этим же автором род определяется как лексико-грамматическое явление [Moskalskaja 1983 : 148]. В конечном счете получается нечто логически несовместимое: г р а м м а т и ч е с к и й род представляет собой л е к с и к о - г р а м м а т и ч е с к и й ф е н о м е н.

Очевидно, что категория рода, несмотря на то, что любое существительное имеет родовой признак и каждое новое существительное "рождается" с родовым признаком, относится к периферии грамматических категорий. Основной причиной тому является невозможность построения внутрилексемных родовых грамматических оппозиций в силу лексемно-фиксированного, лексемно-ингерентного характера родового признака существительных. С другой стороны, как это ни парадоксально, именно родовой признак существительных играет важнейшую роль в формировании морфологической парадигматики как самих существительных (типов склонений и отчасти форм образования мн. числа), так и морфологической парадигматики других, зависимых от существительного, частей речи, прежде всего прилагательных и местоимений, парадигматические характеристики которых, по крайней мере в единственном числе, предeterminируются родовым признаком существительных. Таким образом, сложность и противоречивость данной категории заключается в том, что в качестве ее формальных, т.е. грамматических маркеров выступают грамматические маркеры прилагательных, местоимений и, например, в русском языке, глаголов. По флексиям последних мы определяем родовой признак существительного, хотя грамматические флексии самих зависимых частей речи облигаторно диктуются лексемно-фиксированным родовым признаком существительного. Иначе говоря, признаки грамматичности категории рода существительных приходится искать за пределами самих существительных. Итак, лексемно-фиксированный характер родового признака у существительных и его косвенное (синтагматическое) выражение, т.е. через парадигматику других частей речи, свидетельствует о совершенно особой разновидности категории, которая может быть локализована в периферии грамматических категорий и может быть определена как лексико-грамматическая классифицирующая. Однако тяготение рода к грамматике может колебаться от языка к языку. Так, В.Г. Гак, сравнивая категорию рода в русском и французском языках, отмечает, что французские существительные одушевленные образуют форму женского рода свободнее, чем русские. "Большая регулярность образования форм женского рода во французском языке, – пишет В.Г. Гак, – побуждает считать эту категорию у одушевленных существительных – в том случае,

естественно, когда она не связана с изменением лексического значения слова – грамматической словоизменительной категорией. В русском языке род выражается словообразовательными средствами и не образует грамматического значения у одушевленных существительных [Гак 1977 : 111].

Значительный интерес представляет с точки зрения уровневой интерпретации в грамматической системе языка категория одушевленности-неодушевленности, являющаяся одной из наиболее универсальных семантических категорий языков мира. В рамках индоевропейских языков только в славянских репрезентация данной семантической категории достигла определенной грамматикализации, но, по-видимому, недостаточно высокой степени формализации, чтобы ей можно было присписать статус бесспорной грамматической категории. Если род существительных в ряде и.-е. языков (например, в русском, немецком и французском) может быть определен как лексико-грамматическая или (с некоторыми оговорками) как классифицирующая грамматическая категория, то категория одушевленности-неодушевленности обнаруживает большую зависимость от внутривидовых особенностей конкретных языков, чем категория рода, и характеризуется неодинаковым уровнем статусом в грамматической системе разных языков. В германских и романских языках категория одушевленности-неодушевленности не является грамматической категорией, так как нельзя указать на какие-либо специализированные регулярные грамматические средства ее выражения. Она не может быть отнесена в вышеназванных языках и в разряд лексико-грамматических категорий, как, например, рассмотренная выше категория рода, хотя в грамматическом строе этих языков можно наблюдать некоторые эпизодические рефлексy, реминисценции, обусловленные семантическим признаком одушевленности-неодушевленности, например, доминирование флексии *-s* у одушевленных существительных английского языка в посессивном падеже, наличие изолированного типа слабого склонения в немецком языке, включающего в основном относительно небольшой класс одушевленных существительных и т.д. Только в славянских языках, в частности, в русском, прослеживается более или менее регулярный характер противопоставления грамматических форм существительных по признаку "одушевленность-неодушевленность". В характере и степени грамматикализации категорий рода и одушевленности-неодушевленности в русском языке обнаруживается определенное сходство, а именно обе категории находят свое морфологическое выражение в парадигматике слов, согласуемых с существительными. Однако между этими двумя категориями существует и принципиальное различие в характере их грамматической репрезентации. Если категория рода получает лишь косвенное грамматическое выражение, т.е. за пределами самого существительного, в его синтагматике, то категория одушевленности-неодушевленности характеризуется последовательной морфологической противопоставленностью в деklinационной парадигме множественного числа и неполное (частичное – только у существительных мужского рода) выражение в парадигме единственного числа самих существительных. Кроме того, в русском языке категория рода получает косвенное выражение только в деklinационных и конъюнкционных парадигмах единственного числа, между тем как "во множественном числе грамматическое значение рода не имеет выражения" [РГ 1980 : 466]. Таким образом, если исходить из основного требования к признанию грамматического характера той или иной категории – наличие парадигмы, – то категория одушевленности-неодушевленности более грамматична, чем категория рода, так как семантический признак "одушевленность-неодушевленность" базируется на морфологической оппозиции, выявляемой в рамках категорий падежа и числа. Если исходить из того положения, что минимальным условием существования грамматической категории является наличие противопоставления двух словоформ одного и того же слова, то категория одушевленности-неодушевленности удовлетворяет этому требованию, и, следовательно, она должна быть признана грамматической категорией, в то время как род, не имея такого морфологического основания, не может претендовать на статус грамматической категории.

В германских языках категория одушевленности-неодушевленности рассматривается как лексико-грамматический разряд.

Таким образом, сопоставление специфики репрезентации обобщенных семантических признаков в грамматическом строе языка приводит к выявлению континуума грамматических зон с флуктуирующими границами, характеризующимися разной степенью грамматичности и обеспечивающими плавный переход от признаков таксонов уровня грамматической категориальности к обобщенным семантическим признакам, занимающим промежуточное положение между грамматикой и лексикой. Исходя из критерия наличия или отсутствия парадигматического основания и возможности описания категориальных значений в виде грамматических оппозиций, можно построить ряд грамматических категорий по степени убывания грамматичности: грамматические категории с полным внутрилексменным парадигматическим основанием – грамматические категории с неполным (частичным) внутрилексменным парадигматическим основанием (например, категория одушевленности-неодушевленности в русском языке) – грамматические категории, базирующиеся на лексемо-фиксированных морфологических признаках и, соответственно, межлексменных или классных морфологических противопоставлениях, или лексемо-фиксированные грамматические категории (например, категория рода в и.-е. языках) – лексико-грамматические разряды, которые вслед за А.В. Бондарко можно было бы определить как "грамматически значимые (т.е. существенные для грамматики) группировки слов в рамках данной части речи" [Бондарко 1976 : 156].

Второй аспект полевой природы грамматического строя языка связан с исследованием проблемы взаимодействия грамматики и лексики, проявляющегося в борьбе двух тенденций: с одной стороны, давление грамматической системы, исходящее из ядра части речи, т.е. стремление грамматических категорий к всеобъемлющему охвату лексики данной части речи, с другой стороны, наблюдается, по образному выражению В.Н. Ярцевой, "сопротивление лексического материала... унифицирующему и нивелирующему воздействию грамматики" [Ярцева 1968 : 31].

Вычленение весьма сложной системы лексико-грамматических разрядов в рамках конкретной части речи, как было отмечено выше, есть следствие гетерогенного строения когнитивного пространства предметности, обусловленного наличием в нем семантических зон, характеризующихся разной степенью субстанциональности. В орбиту субстанциональности, образующей ядро предметности, оказываются вовлеченными группировки слов, *п р и м а р н о* обладающие другими, непредметными категориальными признаками, онтологически чуждыми понятию субстанциональности. Эти группировки слов занимают в классе существительных периферийное положение по отношению к *г е н у и н о й*, т.е. *с у б с т а н ц и о - н а л ь н о й*, *в е щ н о й*, предметности. Многообразие лексико-грамматических разрядов (ЛГР) в классе имен существительных обусловлено, таким образом, многообразием семантических зон, которым свойственна качественно разная степень предметности.

В грамматиках и.-е. языков прослеживается пестрая картина ЛГР существительных, хотя их номенклатура в основном достаточно стабильна. Как правило, выделяют следующие ЛГР существительных, большинство из которых образуют оппозитивные пары: конкретные (ИК) – абстрактные (ИА), собственные-нарицательные (ИС–ИН), занимающие в иерархических построениях разных авторов различные ступени. Для одних авторов отправной точкой иерархического построения служит оппозитивная пара ИС–ИН, для других – одушевленные-неодушевленные (ИО–ИнеО), третьи считают исходной оппозицией коррелятивную пару конкретные-абстрактные (ИК–ИА), для четвертых ведущей оппозицией является нарицательные-ненарицательные (ИН–ИнеН) (*Gattungsnamen–Nichtgattungsnamen*). При этом наиболее спорным оказывается положение имен абстрактных, которые рассматриваются как подкласс то в составе ИН, то в составе ИнеО и т.п. У разных авторов неодинаков также объем некоторых ЛГР. Особенно диффузны границы между ИК и ИА. Так, Л. Теньер делит

существительные на "конкретные понятия, к которым в принципе относятся понятия предметов и процессов, и абстрактные понятия, к которым относятся их атрибуты" [Теньер 1988 : 74]. В классификациях некоторых авторов имена собирательные противопоставляются существительным-индивидуативам [Schendels 1982]. Неправоммерным представляется выделение в системе ЛГР оппозитивной пары "исчисляемые-неисчисляемые" [Moskalskaja 1983], так как данная оппозиция предполагает совершенно иной ракурс рассмотрения вопроса, принципиально отличный от критериев выделения других ЛГР. Во-первых, такая оппозиция не имеет своей зоны в семантическом пространстве предметности, во-вторых, она представляет собой не что иное, как модифицированную интерпретацию грамматической категории числа.

К классификации ЛГР возможны два подхода: 1) семиологический и 2) грамматический. С семиологической точки зрения, т.е. по характеру своего значения, речь должна идти не о бинарной оппозиции или дихотомическом делении, а о триаде: ИС–ИН–ИА. Такого рода субкатегоризация существительных оправдана в семантическом плане их разной денотативно-сигнификативной спецификой. Идея семиологической триады в классе имен существительных имплицитно присутствует в известной работе Е. Куриловича об именах собственных, в которой существительные подразделяются на имена нарицательные, "имеющие полную семантическую структуру", и существительные "с недостаточными структурами", под которыми имеются в виду собственные и абстрактные имена. О последних, в частности, он замечает, что это имена "с нулевой сферой применимости" и "более высокого языкового порядка" [Курилович 1962 : 252]. Соотношение денотативного и сигнификативного типов значений [Арутюнова 1976; Уфимцева 1974; Стеланов 1981; 1982; Падучева 1985; Новиков 1982] и вид референции и денотативный статус существительного имеет чувствительные последствия для его грамматических характеристик.

При конструировании оппозиции ЛГР на основе их грамматических особенностей возможны минимум два подхода. Во-первых, исходя из полноты-неполноты грамматических признаков, что будет соответствовать противопоставлениям ядра части речи ее периферии. Такой подход находит свое отражение в оппозиции "ИН–ИнеН" (Gattungsnamen–Nichtattungsnamen) [Admoni 1972]. Ядро конституируется конкретными нарицательными именами, обладающими всеми грамматическими категориями существительных как части речи, а в периферии, соответственно, локализуются группы существительных с неполными грамматическими структурами. Во-вторых, возможны более конкретные оппозиции ЛГР, а именно оппозиции на основе их отношения к конкретной грамматической категории. Так, по отношению ЛГР к категории числа конкретные имена-индивидуативы противопоставляются ИА, ИС, ИВ (именам вещественным) и ИСоб. (собирательным), а с точки зрения употребления-неупотребления артикля конкретные имена-индивидуативы и ИСоб. противопоставляются ИА, ИС и ИВ, а по отношению к деклинационным парадигмам ИС и ИВ противостоят ИА, ИСоб. и конкретным именам-индивидуативам.

Не все ЛГР, существенные для морфологической парадигматики, обладают равной значимостью для синтаксиса. Напротив, некоторые морфологически релевантные классы могут быть не существенными для синтаксиса и, наоборот, синтаксически релевантные оппозиции ЛГР малозначимы или вовсе не существенны для морфологии. Так, в немецком языке с синтаксической точки зрения первостепенной значимостью обладают оппозиции "ИО–ИнеО", "человек – не-человек", "ИК–ИА" [GDG 1981]. Между тем как морфологическая значимость первых двух оппозиций равна нулю. В русском языке, однако, оппозиция "ИН–ИнеО" значима как в морфологическом, так и в синтаксическом аспектах. Если морфологическая значимость ЛГР зависит от внутривидовых особенностей данного языка, то для их синтаксического аспекта характерна большая универсальность. Например, такие оппозиции, как "ИО–ИнеО", "ИА–ИК" играют важную роль в структурном и семантическом конструировании предложения в разных языках.

Когда речь идет о соотношении грамматических категорий и ЛГР, обычно говорят о разной степени охвата первыми последних. Здесь возможна и несколько иная интерпретация данного соотношения, а именно можно говорить о положительной или отрицательной "реакции" ЛГР на ту или иную грамматическую категорию. Исходя из обобщенного признака ЛГР, в грамматике априорно можно ожидать положительных или отрицательных результатов в плане автоматизированности или вероятностном характере действия морфологических правил, причем степень вероятности отклонения, или, что то же самое, строгости правил, неодинакова для ЛГР разных частей речи. Существительные оказываются в этом отношении более гибкими, чем глаголы. Например, под влиянием текста, его жанра и функциональной специфики почти от всех существительных можно образовать форму мн. числа (правда, нередко этот процесс сопровождается лексико-семантическим варьированием лексемы), в то время как субкатегоризация глаголов на переходные-непереходные диктует жесткую модель образования залоговых противопоставлений. В любом случае, когда в глагольной системе грамматическая модель не останавливается перед сопротивлением лексики, а преодолевает его, как отмечает Е.И. Шендельс, возникает "конфликтная ситуация" [Шендельс 1982]. Ср., крайне редко встречающийся, а потому и восприимчивые как грамматические экзотизмы, пассивные конструкции от непереходных глаголов: «"Mir scheint, wir sind angekommen". "A n g e k o m m e n w o r d e n w a r f Morris ein ... "Wer weiß, wohin man uns gebracht hat"» (W. Weitbrecht) ("Мне кажется, мы прибыли". "Нас прибыли", вмешался в разговор Моррис... "...Кто знает, куда они нас доставили"). Структуры *wir sind angekommen*, *wir sind angekommen worden* и *man hat uns gebracht* являются кореферентными, т.е. обозначают одну и ту же внеязыковую ситуацию. Аналогичные полумеченные или неотмеченные структуры встречаются и в словообразовании. Так в суффиксальной системе немецкого языка весьма продуктивна изограмматическая оппозиция "агенса-пациенса", например *Lehrer – Lehrling, Prüfer – Prüfling, Pfleger – Pflegling, Sieger – Besiegter* и т.п. Стремление к регулярному использованию оппозиции "агенса-пациенса" в рамках обозначения лица приводит к созданию неотмеченных (аграмматичных) и в силу этого стилистически маркированных словообразовательных структур: «Da war die "Volksgemeinschaft" zwischen den Unternehmern und den U n t e r n o m m e n e n , den Verdienern und den V e r d i e n t e n...» (B. Brecht) (*zwischen den Unternehmern und den Unternommenen* "между предпринимателями и жертвами предпринимательства", букв. "предпринятыми", *zwischen den Verdienern und den Verdienten...* "между наживающимися и теми, на ком они наживаются"). Пациентивные существительные *die *Unternommenen* и *die *Verdienten* представляют собой неотмеченные структуры, так как базовые глаголы *unternehmen* "предпринимать" и *verdienen* "зарабатывать" не могут иметь в качестве объекта обозначения лиц и, следовательно, невозможны одушевленные субстантивированные причастия II мужского и женского родов. Ср. также: ...*Die hübsche Blonde, der man nie ansieht, wieviel sie vom Leben wirklich weiß, spielt* (Süddeutsche Zeitung); *die Lesende und die *Vorgelesene* "читающая и та, которой (для которой) читают вслух, т.е. слушающая".

Семантические признаки глаголов уровня лексико-грамматических разрядов "предельность-непредельность" ("терминативность-курсивность") и переходность-непереходность существенным образом влияют на функционирование даже такой продуктивной словообразовательной модели, как субстантивация именных форм глаголов. Немаловажную роль играет при этом также семантический признак глагола "антропонимичность-неантропонимичность". Так, все три родовые формы субстантиваций презентных и перфектных причастий в немецком языке возможны лишь от глаголов, характеризующихся одновременно тремя признаками: терминативность, переходность и антропонимичность: *der / diel das Kommende, der / diel das Gekommene*. Отсутствие одного из трех указанных признаков вызывает ущербность модели субстантивации, ср.: *der / die Findende* и *der / diel das Gefundene*; *der / die Vorlesende* (или *der Vorleser*) и *das Vorgelesene*.

По полноте-неполноте реализации парадигматических потенций части речи следует указать на следующие типы лексико-грамматических разрядов.

1. ЛГР, реализующие относительно полно всю парадигму класса существительных. Такими разрядами, образующими семантическое и грамматико-парадигматическое ядро данной части речи являются одушевленные и неодушевленные конкретные существительные (за исключением субклассов вещественных и собирательных имен).

2. Полярную точку образует ЛГР имен собственных, в рамках которого ни одна грамматическая категория не реализует свои парадигматические потенции в полной мере и по строгим системным моделям. ИС, особенно семантическое ядро данного ЛГР – антропонимы обычно не образуют формы мн. числа, хотя сами по себе такие формы ИС, по выражению В.Г. Адмони, не противоречат языковой норме [Admoni 1972 : 94]. Употребление определенного и неопределенного артиклей обусловлено, как правило, рядом синтаксических и стилистических причин. Наконец, имеются также особенности в склонении имен собственных, а именно нейтрализация родовой детерминированности деklinационной парадигмы – существительные мужского и женского родов получают одинаковые флексии в генетиве, ср.: *Peters, Petras Eltern* «родители Петера, Петры», *Friderikens, Mariens, Annemaries Bücher* «книги Фридрика, Марии, Аннемарии». При образовании от ИС формы мн. числа, т.е. при существительных с фамильно-собирательным значением возможен только несклоняемый тип основы, например, «Man müßte den Friedländers unverzüglich eine neue Videonummer zur Verfügung stellen...» (W. Weibrecht). Особенно сложную картину представляет склонение поликомпонентных личных имен, в которых наиболее последовательно проявляется стремление к монофлексии, а также других имен собственных, которым присуща тенденция к общему падежу. Ср.: «der Dichter des "Götz", der erste Band des "Henri Quatre", Thomas Mann hat das in "Königliche Hoheit" in eine Glassammlung verwandelt...» (K. Mann); «...Und von "Königliche Hoheit" hat er mir erzählt» (K. Mann) и т.д.

3. Лексико-грамматические разряды абстрактных, вещественных и собирательных имен занимают промежуточные зоны между вышеуказанными полярными классами существительных. Близки к именам собственным в грамматическом отношении вещественные имена, отрицательно «реагирующие» на категории числа и определенности-неопределенности, а также имеющие некоторые особенности в образовании падежных форм. Срединное положение в этом ряду занимают абстрактные и собирательные имена. Так, собирательные имена, подчиняясь нормативным типам склонения (в зависимости от рода), вместе с тем обычно не образуют формы мн. числа и характеризуются тенденцией к употреблению без артикля. Имена собирательные являются преимущественно *singularia tantum* и могут употребляться с артиклем, однако регулярность их деklinационной парадигмы может быть нарушена в зависимости от характера подтипов собирательности. На основе анализа соотношения ЛГР и грамматических характеристик существительных можно выделить грамматические категории разной «чувствительности» по отношению к обобщенным семантическим признакам. Наиболее чувствительным в этом отношении является категория числа, обнаруживающая оппозитивную регулярность только в пределах конкретных существительных, а в сфере имен собственных ей присуща дефектность. Существенные запреты налагаются на употребление артикля с ЛГР имен собственных, вещественных и абстрактных.

Таким образом, грамматическая неполнота присуща крайним полярным зонам в денотатно-сигнификатном континууме имен: именам, употребляемым только денотатно, т.е. ИС, образующим множество из одного элемента и обладающим идеальной субстантностью и гипертрофированной номинативностью, с одной стороны, и именам, употребляемым в основном только сигнификатно, т.е. ИА. Грамматическая полнота свойственна «денотативно-сигнификативным» [Уфимцева 1974], или «субстантно-предикатным (вещно-признаковым)» [Никитин 1988], т.е. нарицательным именам, занимающим промежуточное положение между ИС и ИА.

По своим предметно-понятийным основам общие имена представляют собой принципиально иные таксономические классификации, чем анализируемые ЛГР, грамматическая значимость которых рассматривается с морфологических позиций, т.е. в плане их взаимодействия с грамматическими категориями. Ю.С. Степанов пишет, что в словаре пересекаются линии двух типов, обусловленные самой системой языка: одни линии идут от отражения в словах предметов объективного мира и образуют основные таксономические классы, например, «животные», «люди» и т.д., которые от синтаксиса не зависят; таксономические линии второго типа идут от синтаксиса, например, денотатные и сигнификатные группировки, индивидуальные и общие имена, классы предикатов [Степанов 1981 : 47]. Деление имен на денотатные и сигнификатные представляет интерес таким образом, не только с точки зрения морфологии, но и в синтаксическом плане, так как оно отражает различие субъекта и предиката. «Хотя и нельзя сказать, чтобы это отражение было взаимно-однозначно, ...однако, не будучи однозначным, это отношение между функцией в предложении и группировкой в словаре все же весьма определенно», – пишет Ю.С. Степанов [Степанов 1981 : 47].

Между полнотой-неполнотой грамматических признаков разных ЛГР и их словообразовательными характеристиками существует определенный изоморфизм. Вопросы соотношения ЛГР и словообразования интегрируются в комплекс проблем, связанных с исследованием взаимодействия словообразовательной системы с грамматическим строем языка, с одной стороны, и с учением о словарном составе языка, с другой. В рамках данной статьи могут быть рассмотрены лишь некоторые аспекты этой крупной проблемы. В плане своей внутренней формальной структуризации ЛГР обнаруживают теснейшую связь со словообразовательной системой, точнее, с ее аффиксальной подсистемой, известной в лингвистической традиции также под названием «морфологическое словообразование». С точки зрения морфемной (т.е. непосредственной, собственно структурной) выраженности различаются ЛГР разной степени характерности.

1. Морфемно (аффиксально) нехарактеризованные подклассы существительных, например, субкласс антропонимов, составляющий ядро ЛГР имен собственных.

2. Слабо характеризованные подклассы существительных, например, топонимические и некоторые другие субклассы имен собственных.

3. Среднехарактеризованный ЛГР: имена вещественные, ядро которых характеризуется слабо (*Gold, Brot, Fleisch, Milch, Schnee, Wein* и т.п.), а периферия, конституируемая вещественно-собирательными существительными, представлена некоторыми аффиксальными моделями (*Abgänsel, Kehrlicht*).

4. Последовательно или сильно характеризованные лексико-грамматические разряды: имена конкретные (одушевленные и неодушевленные), абстрактные и собирательные.

Между степенью морфемной (аффиксальной) характерности ЛГР и полнотой-неполнотой реализации ими парадигматических потенциалов прослеживается определенный параллелизм: минимальная грамматическая маркированность предполагает и минимальную внутреннюю морфемную маркированность и, наоборот, ЛГР, образующий ядро предметности (имена конкретные), а также ЛГР, располагающиеся в грамматическом плане между ядром и периферией (ИВ), обладают достаточно четкой аффиксальной выраженностью.

Между лексико-грамматическими разрядами и деривационно-семантическими категориями возможны следующие соотношения:

1. Лексико-грамматический разряд и деривационно-семантическая категория одноименны, например, ЛГР имен собирательных и имен вещественных и деривационно-семантические категории собирательности и вещественности.

2. Лексико-грамматический разряд в качестве своего морфо-семантического ядра имеет одну деривационно-семантическую категорию, например, деривационно-семан-

тическая категория лица образует мощное, разветвленное морфологическое ядро ЛГР одушевленности, обозначения инструментов – аналогичное ядро ЛГР неодушевленности.

3. В качестве морфо-семантического ядра ЛГР выступают две или даже более деривационно-семантических категорий. Особо последовательной аффиксальной структурированностью отличается ЛГР абстрактных имен, морфо-семантическое ядро которого образуют имена действия, имена качества, а также идеонимы (абстрактные имена с суффиксом *-ismus*). Данный ЛГР базируется на одной из самых продуктивных разновидностей словообразования, названной Е.А. Земской «конструктивным словообразованием», «при котором производные создаются в целях изменения структуры речи: происходит свертка пропозиции, упрощается синтаксическое построение речи» [Земская 1992 : 8–9].

4. Деривационно-семантические категории не имеют коррелятов в виде лексико-грамматических разрядов, например, локативы (*nomina loci*), категория однократных имен действия (*nomina acti*) и т.д.

В плане аффиксальной мотивированности категории грамматического рода существительных разных ЛГР следует указать на два типа их взаимодействия.

1. Грамматический род существительных мотивирован их словообразовательной структурой. Все ЛГР, кроме имен собственных, подчинены этому правилу.

2. Грамматический род существительных не мотивирован их словообразовательной структурой. Наличие или отсутствие аффикса не влияет на родовую характеристику существительного и не предeterminирует его отнесенность к тому или иному типу склонения. Так, решающим фактором при определении рода топонимов оказывается не их структура, как это обычно имеет место в сфере имен нарицательных, а их отнесенность к тому или иному классу топонимов. Например, все ойконимы в немецком языке среднего рода, независимо от того, каким родовым показателем характеризуется коррелирующий с последним компонентом аппеллятив, ср. *die Burg* «крепость», *der Berg* «гора», *der Wald* «лес», *das Feld* «поле», *die Wiese* «поле, луг», *die Stadt* «город», но: *das (große, kleine, grüne, schöne) Brandenburg, Hamburg, Falkenberg, Wittenberg, Fürstenwalde, Saarfeld, Schwanheide* и т.д. Таким образом, свойственное суффиксам и полусуффиксам других ЛГР предграмматическое структурное содержание, т.е. функция предтерминации грамматических характеристик существительных, у суффиксов и полусуффиксов топонимов оказывается а т р о ф и р о в а н н о й.

Несмотря на указанную выше взаимосвязь между ЛГР и деривационно-семантическими категориями, между ними существует принципиальное различие. Оно заключается прежде всего в формах их выражения, обнаружения и в их разнонаправленной языковой сущности. Деривационные категории выявляются независимо от их отношения к грамматическим категориям. Они выступают как бы «усилителями» структурной четкости ЛГР. Аффиксальная структурированность ЛГР – явление распространенное, но не обязательное.

Наиболее контрастны в плане словообразовательной характеристики ИС и ИН. Грамматическая неполнота ИС сопровождается также их деривационной ущербностью.

В рамках экзоцентрического словообразования ИС следует указать на их неравномерные внутрикатегориальные и межкатегориальные словообразовательные потенции. В этом отношении между антропонимами и топонимами наблюдаются существенные различия. Антропонимам в большей степени свойственно внутрикатегориальное словопроизводство, например, *Marxist, Kantianer, Feuerbachianer* и т.п. Переход антропонима в результате морфологического словообразования в классы прилагательных и глаголов носит ограниченный характер. От личных имен, как правило, фамилий, прилагательные с посессивным значением, эквивалентным значению *genetivus auctoris*, могут быть образованы только с помощью суффикса *-sche*, который при существительных других ЛГР не встречается, например, *Beethovensche Musik, das*

Montesquieu'sche Buch, die Mozart'sche Musik и т.д. Прилагательные с суффиксом *-sche* от топонимов единичны: *Pommern – pommersche: in einem pommerschen Dorf*. Вариант *-isch* встречается при основах личных имен редко.

Словообразовательные гнезда, базой которых служат антропонимы, несравненно беднее, чем гнезда с апеллятивной базой, что объясняется непродуктивностью межкатегориального словопроизводства у первых и большой его продуктивностью у последних, с одной стороны, и однонаправленностью аффиксации, т.е. отсутствием префиксального способа словопроизводства при образовании глаголов от антропонимов, с другой.

Топоосновы обнаруживают высокую продуктивность при образовании относительных прилагательных с помощью суффиксов *-isch* и *-er*, причем между этими суффиксами существует определенная специализация. Суффикс *-isch* присоединяется, как правило, к основам макротопонимов – названий континентов, стран, регионов: *asiatisch, europäisch, italienisch, kanadisch, skandinavisch, sibirisch* и т.п., в то время как с помощью суффикса *-er* образуются прилагательные от названий городов: *die Berliner Universität, der Münchner Pakt, die Leipziger Messe*. Лишь от отдельных макротопонимов прилагательные образуются с помощью суффикса *-er*: «Ein Schweizer Bahnhofsvorsteher winkte, und zwei Schweizer Polizisten standen neben dem Gepäck...» (Е.М. Remarque).

Несмотря на свою продуктивность, оттопонимические прилагательные с *-er* ущербны в грамматическом плане: они не «подстраиваются» под парадигматические и согласовательные классы прилагательных (они не различаются по родам, не образуют форм числа и не склоняются по падежам) и не употребляются в качестве предикатива.

Большая продуктивность адъективного суффикса *-isch* при топоосновах обуславливает, возможно, новявление новой модели субстантивации с топонимическим значением, например, *das Bayerische, das Brandenburgische, das Rheinische, das Magdeburgische, das Thüringische...*: «Ein Justitiar aus dem Rheinischen, der viel lieber ein Schauspieler sein wollte...» (J. Schulz); «Vor drei Tagen war Otto mit Sack und Pack zu seiner Mutter irgendwohin ins Magdeburgische abgedampft» (Н. Jobst) и др.). Ср. русск. *подмосковье, псковщина, поволжье, зауралье* и др.

Между именами собственными и другими ЛГР существуют также значительные различия в плане их структурных модификаций в словообразовательном процессе. Более автоматизированному и предсказуемому характеру модификаций ИН в качестве производящих основ противостоят зачастую хаотические, непредсказуемые структурные модификации ИС. Правда, в данном случае следует дифференцировать эндоцентрическое и экзоцентрическое словообразование антропонимов и топонимов. От первых могут быть образованы немотивированные, произвольные гипокористические формы, что совершенно недопустимо в рамках имен нарицательных, например, *Elsbeth, Elise, Elsa, Betti, Ilse, Liese* и т.д. от *Elisabeth*. В экзоцентрическом словообразовании антропонимы обычно не подвергаются каким-либо существенным деформациям. Структурные модификации ИН носят в основном морфонологический характер, т.е. имеют место явления усечения или наращенния фонемы или фонемного комплекса на стыке производящей основы и деривационного суффикса, а также изменения в фонематическом составе корневой фонемы, названные в морфологии внутренней флексией (аблаут, умлаут, преломление гласных, чередования согласных), а опущения или добавления значимых единиц языка встречаются относительно редко. Например: *anbieten → Angebot, aufbieten → Aufgebot, geheim → heimlich, große Bogen spucken → Bogenspucker, auf der Bärenhaut liegen → Bärenhäuter*. Структурные модификации топонимов обнаруживают значительную амплитуду колебаний от автоматизированных моделей типа *Berliner, Moskauer, Engländer, Schweizer* до одноосновной компрессии поликомпонентных топооснов, например, русск. *Ростов-на-Дону → ростовчане, Комсомольск-на-Амуре → комсомольчане, Нижний Новгород → нижегородцы*, нем. *Bad Blankenburg → Blankenburger, Bad Lauchstädt → Lauchstädter*.

Dominikanische Republik → *Dominikaner*, *Trinidad und Tobago* → *Trinidad*. Особенно распространено явление универбации путем опущения одного или ряда компонентов составных топонимов при образовании от них обозначений жителей во французском языке: *Saint-Germain-en-Laye* → *Saint-Germainois*, *Saint-Pol-sur-Mer* → *Saint-Polois*, *Saint-Amand-les-Eaux* → *Amandinois*, *Chamonix-Mont-Blanc* → *Chamoniard*, *Saint-Jean-de-Luz* → *Luziens*. Подобного рода универбации приводят во французском языке к созданию серии омонимов, например: *Ferte-Bernard* (Sarthe) / *Ferte-Masse* (Orne) / *Ferte-sous-Jouarre* (Seine et Marne) → *Fertois*, *Nogent-en-Bassigny* (Haute-Marne) / *Nogent-le-Rotrou* (Eure-et-Loir) / *Nogent-sur-Marne* (Val-de-Marne) / *Nogent-sur-Oise* (Oise) / *Nogent-sur-Seine* (Aube) → *Nogentais*, *Montreuil*, *Montrevil-sur-Mer* (Mas-de-Calais) → *Montreuillois* и т.д.

Топонимы редко выступают в качестве производящих основ глаголов. Глаголы, образованные от названий городов, областей, гор и т.п. относительно немногочисленны: *alpen* «содержать скот на горных альпийских пастбищах», *berlinern* «заниматься отгонным скотоводством (на горных альпийских пастбищах)», *berlinern* «говорить на берлинском диалекте», *coventrieren* «разбомбить, стереть с лица земли (от названия английского города Ковентри, уничтоженного немецко-фашистской авиацией)» и т.п.

Наиболее существенным для характеристики деривационных потенциалов ИС в качестве производящих основ является внутрикатегориальное словопроизводство.

Итак, принцип поляризации ИС и ИН, постулированный Е. Куриловичем, прослеживается достаточно последовательно в морфологии в узком смысле слова. Однако специфика лексического значения ИС предопределяет также ряд их особенностей в словообразовательной системе языка, в частности, в словопроизводстве. Сопоставление деривационных потенциалов ИН и ИС в качестве производящих основ свидетельствует об относительной бедности суффиксальных моделей последних как в количественном отношении, так и в плане содержательном: соответствующие производные либо терминологичны, либо образуют имена, близкие к номенам. Таким образом, лексическая дефектность ИС влечет за собой не только грамматическую неполноту, но и их деривационную дефектность, проявляющуюся прежде всего в том, что если в сфере ИН явно доминирует межкатегориальное словопроизводство (в особенности взаимопереход в результате словообразовательного процесса полярных частей речи), то область ИС в основном ограничивается внутрикатегориальным словопроизводством. Положение о том, что чем полярнее части речи, тем большим взаимопроникновением они характеризуются в деривационном отношении [Мурясов 1987], не распространяется на имена собственные, и, следовательно, наиболее продуктивная межкатегориальная модель словопроизводства «существительное ↔ глагол» в сфере ИС практически не «работает».

Мы продемонстрировали некую модель описания грамматических и деривационных характеристик лексико-грамматических разрядов на примере противопоставления ИС и ИН, т.е. в пределах одной части речи – существительных. Не меньший интерес представляют вопросы влияния ЛГР глагола как базовой части речи на формирование семантической структуры слов результирующей части речи в словообразовании. Проиллюстрируем данное положение на примере взаимодействия глагольных семантических признаков «предельность-непредельность» и «переходность-непереходность» и образованных от них агентивных существительных. Изучение лексикографических интерпретаций агентивных существительных и их употреблений в составе предложений и сверхфразовых единиц показало, что вышеназванные признаки глаголов, в особенности семантический признак «предельность-непредельность» находит свое отражение в семантической структуре первых. Речь идет об агентивах, обозначающих лица, являющихся исполнителями действий в прошлом (см. об этом более подробно [Мурясов 1987; Murjazov 1994]).

Темпоральное значение некоторых агентивов варьирует в зависимости от их

денотатного или сигнификатного употребления в предложении. Одним из формальных средств разграничения денотатного и сигнификатного употреблений одного и того же агента в немецком языке служат противопоставления определенного и неопределенного артикля. Употребление агента в предикатной функции с неопределенным артиклем в ед. числе и resp. его отсутствие во мн. числе служит сигналом семантической модели «субъект – характеристика субъекта», т.е. сигнификатного употребления агента с вневременным значением, например: «Hochgewachsen war er und schlank..., ein Verführer der Frauen» (K. Zuchardt); «Was sonst bleibt euch übrig mit eurem Tausendjährigem Reich und euren infamen Rüstungen? Ihr Berufs m ö r d e r und Verbrecher!» (E.M. Remarque). Употребление того же самого имени в качестве предиката с определенным артиклем сигнализирует о семантической модели акциональности и денотатном, следовательно, перфективном характере агента: «In der Truhe ist eine Leiche versteckt, und der Butler ist der M ö r d e r» (B. Brecht).

Чтобы иметь перфективное значение, агент не обязательно должен занимать в предложении позицию субъекта или предиката. Здесь важна не синтаксическая функция, а наличие определенного артикля, предполагающего нередкое денотатное пациентив при агентиве: «Clinton ist auf der Suche nach dem M ö r d e r seines Bruders» (Süddeutsche Zeitung).

При актуализации их временного значения агентивы интегрируются в систему средств, формирующих «длинный семантический признак» [Степанов 1981: 91, 241; 1989] темпоральности высказывания. Агентивы от неопредельных глаголов при наличии ситуации временной локализованности могут выражать таксис одновременности, а агентивы от предельных глаголов всегда выражают исполнителя действия, предшествующего действию предиката предложения в прошлом, настоящем и будущем, т.е. таксис предшествования независимо от темпоральной локализованности или нелокализованности действия высказывания, ср.: «Der Kommissar nahm ernst das Photo zur Hand und betrachtete die Gesichtszüge der schönen unbekannten. Sie lächelte offen, dem Betrachter zugewandt» (W. Weitbrecht) (одновременность); «Übrigens, in der Hölderlinstraße soll einer 'ne Frau ermordet haben... Sexualmord, sagt er, hast du davon gehört?» «Nein, ist mir neu, aber den M ö r d e r kriegen sie bestimmt...» (H. Mager) (предшествование при темпоральной локализованности); «Zunächst sei dennoch noch einmal betont, daß jeder Bürger verpflichtet ist, eine gefundene Sache unverzüglich dem Verlierer (= dem, der die Sache verloren hat)... zurückzugeben» (Neue Berliner Illustrierte) (агентив – *Verlierer* обозначает лицо – носителя действия, предшествующего действию предиката *ist verpflichtet, zurückzugeben* при отсутствии временной локализованности).

Предварительное исследование соотношения грамматических и словообразовательных характеристик существительных и отчасти глаголов позволяет прийти к заключению о том, что попытка дать точное описание, адекватное истинному положению грамматических признаков и ЛГР в семантическом пространстве предметности, приводит к выявлению промежуточных категорий и семантических группировок слов, зон с диффузными границами. Неопределенность границ является онтологическим свойством не только семантических полей, она отражает также онтологию таких наиболее универсальных семантических пространств языка, как предметность, процессуальность, признаковость и конституирующих их наиболее крупных семантико-грамматических классов. Когнитивные основания частей речи асимметричны. «Во многих случаях, – пишет В.Г. Гак, – анализируемые языковые явления образуют своего рода спектр, где между отрезками четко различающихся цветов находятся переходные зоны, которые трудно приписать определенному цвету» [Гак 1998].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н.Д. 1976 – Предложение и его смысл. М., 1976.
 Бондарко А.В. 1980 – Теория морфологических категорий. Л., 1976.
 Гак В.Г. 1977 – Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977.

- Гак В.Г. 1986 – Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1986.
- Гак В.Г. 1998 – Языковые преобразования. М., 1998.
- Земская Е.А. 1992 – Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Кубрякова Е.С. 1997 – Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Курилович Е. 1962 – Положение имени собственного в языке. В кн.: Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Лайонз Дж. 1978 – Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Мурясов Р.З. 1987 – Грамматика производного слова // ВЯ. 1987. № 5.
- Никитин М.В. 1988 – Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
- Новиков Л.А. 1982 – Семантика русского языка. М., 1982.
- Падучева Е.В. 1985 – Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
- РГ 1980 – Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- Степанов Ю.С. 1981 – Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
- Степанов Ю.С. 1989 – Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Степанов Ю.С. 1998 – Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.
- Тетьер Л. 1988 – Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
- Шендельс Е.И. 1970 – Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970.
- Шендельс Е.И. 1982 – Совместимость/несовместимость грамматических и лексических значений // ВЯ. 1982. № 4.
- Уфимцева А.А. 1974 – Типы словесных знаков. М., 1974.
- Ярцева В.Н. 1968 – Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
- Admoni W. 1972 – Der deutsche Sprachbau. L., 1972.
- GDG 1981 – Grundzüge einer deutschen Grammatik / Hrsg. von K.-E. Heidolph. W. Flämig und V. Motsch. Berlin, 1981.
- Langacker R.W. 1991 – Concept, image, and symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin, 1991.
- Moskalskaja O.I. 1983 – Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М., 1983.
- Murjazov R.Z. 1994 – Isogrammatische Merkmale der Wortbildungen // Deutsche Sprache. 1994. № 7.
- Schendels E.I. 1982 – Deutsche Grammatik. Morphologie. Syntax. Text. М., 1982.